

к. ф. н. О. А. Старовойтова

Санкт-Петербургский государственный университет

Культурно-историческая обусловленность семантико-словообразовательных процессов в языке XIX века (на примере производных от антропонима Байрон)

Процесс общей европеизации русской культуры в XIX веке активно продолжался, и эпоха романтизма, начавшаяся в России в первой четверти века, ознаменовала собой один из важнейших этапов этого процесса. Русская культура, как губка, впитывала в себя все многообразие новых явлений и новых имен, которые появлялись на европейской культурной арене, однако самой сильной ее страстью, по-видимому, можно назвать английского поэта Дж. Г. Байрона, чье имя стало известно русскому читателю в 1822 году благодаря переводу В. А. Жуковским «Шильонского узника».

Увлечение русских романтиков Байроном привело к тому, что его переводили, ему подражали, его боготворили. «Много читал Байрона. Ничто не может сравниться с ним. Шедевр поэзии, мрачное величие, трагизм, энергия, сила бесподобия, энтузиазм, доходящий до бреда, грация, пылкость, чувствительность, увлекательная поэзия, - я в восхищении от него...» - оставил 31 января 1819 г. запись в своем дневнике один из самых известных переводчиков Байрона И. И. Козлов [1: 40].

Так, имя Байрона прочно вошло в парадигму русской культуры: «Для русских романтиков он не просто властитель дум, великий поэт и борец за свободу человека и народов, но и могучая жизненная сила, оказывающая влияние на бытие и поступки современников и в то же время изнемогающая в непосильной борьбе с жестоким веком и самим собой, с естественными слабостями, страстями и сомнениями.» [2:144] и даже повседневную жизнь - на него хотели быть похожими, в него метили: *Даже из двух, трех слов смекал вперед, кто чем хотел изобразить себя. Кто хотел Марса, он <художник> в лицо совал Марса; кто метил в Байрона, он давал ему байроновское положение и поворот.* (Гоголь Н. В. Портрет, 1835).

Лорд Байрон был характерной и самой яркой фигурой своей эпохи, что достаточно закономерно привело к превращению его имени в прецедентное, т.е. происходит генерализация характеристик того «культурного предмета», на который оно указывает; тот начинает восприниматься как типичный, выступает как образец свойств, присущих

целой группе объектов, но не теряет при этом своей индивидуальности. Активное введение в оборот данного прецедентного имени осуществляется путем его интенционального употребления в типичной для русского языка форме - форме множественного числа антропонима¹:

Признаюсь, народец эти азиатцы!.. Выбросьте из них несколько поэтов, остальное все такая скучная проза, что Сигов и Орлов перед ними Байроны (Бестужев А. - Н. А. и М. А. Бестужевым, 1833);

Поэзия выводит Байронов, а те Корсаров, Гарольдов, Лар, - но посмотрите, как мало прошло времени с их появления, а уж все эти лица забракованы хорошим тоном, признаны за самое дурное общество... (Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 1876).

В языковом сознании говорящего прецедентное имя не отрывается от своего денотата, наоборот, жестко связано с ним, символизируя присущие лицу качества, черты характера, внешний вид, поступки или сферу деятельности, только наличие подобной связи позволяет видеть в нем свернутую метафору (Байроны = личности, подобные Байрону). Однако подобно и другим языковым явлениям прецедентные имена со временем могут претерпевать определенную эволюцию: сохраняясь в языковой системе, в культурном сознании говорящих они утрачивают связь с денотатом, при их употреблении необходимы специальные средства актуализации. Так, например, уже в 60-е гг., говоря о Байронах, Ф. М. Достоевский пользуется приемом антитезы, подробно объясняя, кто такие Небайроны:

И как чистосердечны, как ясны душой вышли многие из нас из всего этого срама. Куда многие! - почти все, кроме, разумеется, Байронов. Были у нас и высокочистые сердцем, которым удалось высказать горячее, убежденное слово. О, те не жаловались, что им не дают высказаться, что обрезают их поле деятельности, что антрепренеры высасывают из них последние соки, то есть они и жаловались, но не складывали рук и действовали как могли; а и все-таки действовали, хоть что-нибудь, да делали и... многое, очень многое сделали! Они были невинны и простодушны, как дети, и всю жизнь не понимали своих сотрудников

¹ Ср.: Молчалины блаженствуют на свете. (Грибоедов А. С. Горе от ума, 1822-1824); Мы кое-что оттуда унаследовали, хотя Фамусовы, Молчалины, Загорецкие и прочие видоизменились так, что не влезут уже в кожу грибоедовских типов... (Гончаров И. А. Мильон терзаний, 1872); О счастливые, о стократ блаженные Молчалины! Они бесшумно, не торопясь переползают из одного периода истории в другой... (Салтыков-Щедрин М. Е. В среде умеренности и аккуратности, 1874-1878); Хлестаков, по крайней мере, врал-врал у городничего, но всё же капельку боялся, что вот его возьмут, да и вытолкают из гостиной. Современные Хлестаковы ничего не боятся и врут с полным спокойствием. (Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 1876).

Байронов и умерли наивными страдальцами. Мир праху их! (Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе, 1860).

Преклонение перед личностью Байрона [3: 42], его творческой манерой (смелость творческих открытий, новизна художественной мысли, способов и форм выражения внутреннего мира человека, откровенность исповедания), восхищение его лирическим героем (от которого Байрону так и не удалось откеститься) – ярким, новым, с его мечтами о великом перевороте в жизни человечества, ненавистью к обыденности, разочарованностью, тоской способствовало превращению фигуры поэта в символ, образ целой эпохи в истории европейского самосознания. Активный и неослабевающий интерес русского общества к английскому поэту способствовал тому, что незамедлительно после знакомства с ним читающей публики в русском языке начался бурный процесс образования производных от его имени.

Важнейшей лексической новацией первой четверти XIX века стало слово *байронизм*. Новое понятие указывало на эпоху, проходившую под знаком *гения и властителя дум*, и представляло собой типичнейшую словообразовательную модель. Словарное определение данного понятия как 'мотивы разочарованности, индивидуализма, разлада с обществом' (Словарь совр.рус.языка. Изд.2. М., 1991. Т.1., с.297) довольно обобщенно представляют ту многоплановость явления, которая в истории литературы и культуры определялась то как «мировая скорбь», явившаяся отзвуком несбывшихся надежд, то как рефлексия на торжество реакции в посленаполеоновской Европе, то как бунтарство, выражающее себя лишь презрением ко всеобщей покорности и ханжескому благополучию, то как культ индивидуализма и апофеоз безграничной свободы, которой сопутствует одиночество и, по словам А.С.Пушкина¹, «преждевременная старость души».

Большое число контекстов, включающих названия литературных течений и жанров, литературных произведений и фамилии авторов, недвусмысленно указывает на литературоведческий характер данного термина и на его непосредственное отношение к личности Байрона:

Далее введение нового элемента, байронизма, в русскую поэзию, после мечтательности Жуковского, должно было быть необходимо

¹ «Привлекала их в Байроне сама непривычная для русского человека раскованность, вечная мятежность, бурная диалектика ничем не сдерживаемых страстей. Поражала та легкость, с которой поэт ссорился с целой страной (и какой – могучей просвещенной Англией, своей родиной), перемещался из одной страны в другую, участвовал в борьбе итальянских карбонариев и греческих повстанцев, тратил огромные средства, создавал шедевры, завоевывал любовь прославленных красавиц Европы и т.п.» (Сахаров В.И. Байрон и русские романтики // Великий романтик. Байрон и мировая литература. М., 1991. С. 144).

для души пылкой, свежей, и оно сильно способствовало конечному падению французского классицизма в России: этим мы обязаны Пушкину (Полевой Н.А. Очерки русской литературы, 1839);

В том, что он <Лермонтов> написал, видно только, что он безусловно подражал Пушкину, проводил байронизм несколько на военный лад (Писемский А.Ф. Тысяча душ, 1858);

Байронизм Пушкина и Лермонтова не был просто подражанием, он был так же своевременен и национален петровской Руси, как потрясающий смех Гоголя. (Герцен А.И., 1831-1863, 1863);

В Козлове многие критики усматривают первое проявление русского байронизма. (Энциклоп.слов. Брокгауза и Ефрона, т.30, с.607, 1893);

Ленау - талантливейший после Гейне из немецких поэтов-романтиков начала XIX в. Он примыкает к тому пессимистическому направлению, в которое выродился в Германии байронизм (Энциклоп.слов. Брокгауза и Ефрона, т.34, с.530, 1893).

В этом смысле довольно удачным (хотя и далеко не всегда возможным) представляется разделение понятия «байронизм» на собственно литературное и общественное, или литературно-общественное, как это представлено в формулировках Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона:

- *...словом «байронизм» мы привыкли обозначать факты влияния поэзии Байрона на творчество наших поэтов, преимущественно Пушкина и Лермонтова.* (Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, т.4, с. 723, 1893);

- *...с именем английского поэта связано известное под именем байронизма литературно-общественное настроение, которое явилось результатом впечатления, произведенного на всю образованную Европу как гениальными произведениями Байрона, так и своеобразной судьбой его* (Энциклоп.слов. Брокгауза и Ефрона, т.4, с. 723, 1893).

Однако по мере отдаления той романтической эпохи, в которую байронизм был истинным и естественным умоностроением¹, данное явление (а вслед за ним и понятие) в русской культуре видоизменяется, развиваясь под знаком осознанного отхода от Байрона - страдания

¹ «Меланхолическая разочарованность Байрона, столь очаровательная в его изображениях и столь пленяющая глубокою (хотя иногда и вымышленною) грустью поэта – истощившись в приторных подражаниях – уступила место равнодушию, которое уже не презрение и не богохульный бунт гордости (в них есть еще что-то поэтическое, потому что есть сила), а пошлая расслабленность души, произведенная не бурей страстей и не бедствиями жизни, а просто неспособностью верить, любить, постигать высокое, неспособностью предаваться какому бы то ни было очарованию. Это самодельное равнодушие, которым так кокетствуют в наше время поэты, относится к мрачной разочарованности Байрона, как мелкая, искусственная развалина небывалого замка к огромным обломкам Колизея, сокрушенного силою веков, набегами народов и молниями неба.» В.А.Жуковский - Н.В.Гоголю.

новомодных поэтов и завсегдаев салонов несопоставимы с чувствами Байрона, что отчетливо продемонстрировано в следующем контексте на примере оппозиции страдания/могучая скорбь: *Если нам кажется жалок и смешон так называемый байронизм, который когда-то был в моде в обществе, то нам нельзя ставить на одну доску страдания модных рифмоплетов и салонных витязей с могучей скорбью, которою проникнут сам Байрон* (Огарев Н.П. Письма деревенского жителя, 1847). Понятие байронизма все более связывается с умонастроением некоего лирического героя-романтика, его манерой и образом жизни:

Этому состоянию духа должно приписать тот байронизм, в котором, может быть, уже слишком упрекают молодых людей, и в в котором бывает часто виновата лишь доброта и возвышенность их сердец. (Одоевский В.Ф. Новый год, 1844);

*Княжна Анна, почти не выдавшая дотолу мужчин, осталась более чем приятно поражена умением говорить интересно и наружностью князя, который вполне являл собою тип великосветского *comte il faut* того времени. Пусть вспомнит читатель, что то было время байронизма, Чайльд Гарольдов, Онегиных и прочих героев, которым старалось все подражать в Европе и которых пародировали, иногда очень удачно, очень близко к оригиналу, некоторые из наших тогдашних бар.* (Крестовский В.В. Петербургские трущобы, 1864-1867);

Чего-чего не было в этом типе? И байронизм и романтизм; воспоминания о французской революции, о декабристах – и обожание Наполеона.. (Тургенев И.С. Стук...Стук...Стук!.. 1870);

Байронизм жил и развивался, питаясь благоприятными для него условиями действительности, среди которых было бы беспощадно и бесплодно приглашать «гордого человека» (т. е. всякий байроновский характер) «смириться и поработать на народной ниве», как это сделал сорок лет спустя Достоевский в известной своей речи на Пушкинском празднике в 1880 году. (Энциклоп.слов. Брокгауза и Ефрона, т.4, с.726 , 1893).

Пассаж, посвященный современным ему последователям байронизма и блестяще доведенный до гротеска, находим у Ф.М.Достоевского: *Были у нас и байронические натуры. Они большего частью сидели сложа руки и... даже уж и не проклинали. Так только лениво иногда ослаблялись. Они даже смеялись над Байроном за то, что он так сердился и плакал, что лорду уж и совсем неприлично. Они говорили, что и не стоило сердиться и проклинать, - что уж так всё гадко, что даже пальцем пошевелить не хочется и что хороший обед всего дороже. И когда они говорили это, мы с благоговением внимали их*

словам, думая видеть в их мнении о хорошем обеде какую-то таинственную, тончайшую и ядовитейшую иронию. А те уплетали себе в ресторанах и жирели не по дням, а по часам. И какие из них бывали краснощекие! Иные же не останавливались на иронии жирного обеда и шли всё дальше и дальше; они преусердно начали набивать свои карманы и опустошать карманы ближнего. Многие пошли потом в шулера. А мы смотрели с благоговением, разиня рот и удивляясь. Что ж? говорили мы друг другу, ведь это у них тоже по принципу; надо же взять от жизни всё, что она может дать. И когда они, на наших глазах, воровали платки из карманов, то мы даже и в этом находили какую-то утонченность байронизма, дальнейшее его развитие, еще неизвестное Байрону (Ряд статей о русской литературе, 1860).

Оторванность от реальной действительности, историческая немотивированность данного явления со временем приводят к изменению представлений о нем, в глазах новых поколений он приобретает ничем не объяснимый пессимизм, который в конце концов выкристаллизовывается в новом словарном значении 'разочарованность, меланхолия, пессимистическое отношение к жизни, обществу' (Словарь совр.рус.языка. Изд.2. М., 1991. Т.1., с.297): *Я очень далек от байронизма и разочарования, я вполне уверен, что в жизни нашей встречается много минут, достойных воспоминания.* (Дружинин А.В. Дневник, 1843); *Байронизм появился в минуту страшной тоски людей, разочарования их и почти отчаяния.* (Достоевский Ф.М.Дневник писателя, 1877).

Именно со второй половины XIX века слово «байронизм» все чаще употребляется в сочетании с лексемами, обозначающими неестественный, наносной характер явления:

Поддайся наш поэт байронизму, ярому жорж-сандизму.. - дело бы погибло гораздо быстрее. (Дружинин А.В. Повести и рассказы И.Тургенева, 1856);

Достав себе, за два бала вперед, мазурку молодой красавицы, он успел своим напускным байронизмом и оригинальничаньем блестящей болтовни остановить на себе несколько ее внимание. (Крестовский В.В. Петербургские трущобы, 1864-67);

Задавшись байронизмом, князь, естественно, должен был кое-что почитать, кое-чего понахвататься по верхушкам, так что мог «блистать» поверхностным разговором и, на неопытный глаз, казаться даже умным человеком. (Крестовский В.В. Петербургские трущобы, 1864-67);

То было время байронизма, Чайльд Гарольдов, Онегиных и прочих героев, которым старалось все подражать в Европе и которых

пародировали, иногда очень удачно, очень близко к оригиналу, некоторые из наших тогдашних бар. (Крестовский В.В. Петербургские трущобы, 1864-1867);

Он показывает в Лермонтове самые высокие нравственные требования, лежащие под скрывающим их напущенным байронизмом. (Толстой Л.Н.- Л.Е.Оболенскому, 1889);

Он <Словацкий> перестал быть прежним гордецом, смирился, возненавидел все напоминающее байронизм, отказался от всякой изысканности и щеголеватости. (Энциклоп.слов. Брокгауза и Ефрона, т.59, с.396, 1893).

В нем видят чрезмерную аффектацию и экзальтацию: *Неудивительно, что в припадке этого байронизма я написал (в Берлине) эти безумные строки: Как сладостно отчизну ненавижу И жадно ждать ее уничтоженья.* (Печерин В.С. Замогильные записки, 1860-1872).

В подобной ситуации довольно естественной выглядит негативная оценка данного явления: *Опять-таки я это говорю не в силу старинных понятий; я вовсе не полагаю, что ум должен находиться в ногах, но байронизм смешон, il a fait son temps [прошло его время (франц.)].* (Тургенев И.С. Отцы и дети, 1862) – и соответственно появление дополнительного отрицательного коннотата у лексемы.

Впоследствии это даже приводит к тому, что слово «байронизм» начинает употребляться со словами с резко отрицательным оценочным компонентом, прежде совершенно невозможным:

Важно то, что Пушкин так беспощадно отметил этих выродков байронизма, которых, в ближайший за деятельностью Пушкина литературный период, возвел в перл ничтожности Лермонтов, нарисовав портрет Грушницкого. (Энциклоп.слов. Брокгауза и Ефрона, т.4, с. 725, 1893).

Развитие нового значения у данного понятия приводит к таким ситуациям, когда критики используют данный термин по отношению к ушедшей эпохе в первом значении, однако невольно привносят в контекст современную его трактовку (байронизм = сумрачные страсти): *Пушкин, вступая в свет, застал в полном ходу байронизм, сумрачные страсти...* (Дружинин А.В. А.С.Пушкин и последнее издание его сочинений, 1855);

Широкое распространение понятия «байронизм» на русской почве закономерно вызвало появление однокоренного слова со значением лица: *последователей, приверженцев английского поэта* стали именовать *байронистами*, используя типичную для подобных ситуаций словообразовательную модель «имя + -ист»:

Нельзя понять поэта, не будучи некоторое время под его исключительным влиянием, не полюбив смотреть его глазами, слышать его слухом, говорить его языком. Нельзя изучить Байрона, не быв некоторое время байронистом в душе, Гете – гетистом, Шиллера – шиллеристом и т.д. (Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина, статья пятая, 1844);

Когда я вслух выразил эту мысль, то произошел один маленький эпизод: один голос из толпы крикнул, что Некрасов был выше Пушкина и Лермонтова и что те были всего только «байронисты». (Достоевский Ф.М. Дневник писателя, 1877);

Лермонтов, конечно, был байронист, но по великой своеобразной поэтической силе своей и байронист-то особенный – какой-то насмешливый, капризный и брюзгливый, вечно неверующий даже в собственное свое вдохновение, в свой собственный байронизм. (Достоевский Ф.М. Дневник писателя, 1877);

Мальчевский.. был байронист; его поэма «Мария» проникнута пессимизмом, окутана какой-то таинственностью, действующие лица выставляются необыкновенными существами и принадлежат к магнатскому или шляхетскому сословию, а простой народ является только в лице одного казака. (Энциклоп.слов. Брокгауза и Ефрона, т.47, с.405-406, 1893).

Поскольку наименование лица напрямую связано с названием литературно-общественного течения, у слова «байронист», так же, как и у слова «байронизм», развивается второе значение, связанное не с конкретным историческим лицом – поэтом Байроном, а с мировоззрением, умонастроением соответствующей эпохи. Как показывает материал, происходит это не ранее второй половины века:

Чем бы ни был Ситников – байронистом (вроде Грушницкого), гегелистом (вроде Шамилова) или нигилистом (каков он и есть), он все-таки останется пошлым человеком. (Писарев Д.И. Базаров, 1862);

Пушкин, начитавшись романами, разделявший чувства друзей своих, молодых, заносчивых либералов, ощущает жестокую пустоту обманов: оттого и разочарование его ко всему, что есть великое и прекрасное на земле, и Пушкин, рисуя байрониста, делает свой собственный портрет. (Вяземский П.А. Мицкевич о Пушкине, 1873);

- Мою веру смутить нельзя: в рассуждении веры я байронист; я ем устриц и пью вино, а кто их создал: Юпитер, Пан или Нептун – это мне все равно! (Лесков Н.С. Зимний день, 1894).

При употреблении лексемы «байронист» во втором значении, прежде всего в силу приобретения ею отрицательного коннотата, может

наблюдаться отрыв номинативной единицы от соответствующего антропонима (то же, что характерно для соответствующего прецедентного имени). О типичности подобного явления в русской культуре можно судить и по следующим комментариям: «У нас журналисты бранятся именем романтик, как старушки бранят повес франмасонами и волтерьянцами – не имея понятия ни о Вольтере, ни о франмасонстве». (Пушкин А.С. Литература у нас существует, 1830); «*Меня самого волтерьянцем обозвали – ей-богу-с; а ведь я, всем известно, так еще мало написал-с... то есть крынка молока у бабы скиснет – все господин Вольтер виноват! Все у нас так. – Ну, нет! – заметил дядя с важностью, – это ведь заблуждение! Вольтер был только острый писатель, смеялся над предубеждениями, а волтерьянцем никогда не бывал! Это все про него враги распустили.*» (Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели, 1859).

Действительно, точно так же, как бранят волтерьянцами, не имея понятия о Вольтере, так бранят и байронистами:

И во-первых, словом «байронист» браниться нельзя. Байронизм хоть был и моментальным, но великим, святым и необходимым явлением в жизни европейского человечества, да чуть ли не в жизни и всего человечества. (Достоевский Ф.М. Дневник писателя, 1877).

Сложность образа самого Байрона, неоднозначность восприятия его идей даже в одну эпоху в одной стране¹ наряду с собственно языковыми тенденциями XIX века, среди которых в первую очередь следует назвать пополнение лексического состава языка с параллельным стилистическим перераспределением языковых единиц, неизбежно приводят нас к проблеме вариантности: источники дают следующие варианты лексем *байронизм - байронство - байроновщина*, а также *байронист – байроновец*. Несмотря на единичность примеров и их явную принадлежность языковой периферии, следует говорить о стремлении языковой системы представить разноуровневые варианты даже таких, казалось бы, неизменных единиц, каковыми являются термины, да еще и образованные от заимствованного слова.

Особенно показателен тот факт, что варианты формы *байронство, байроновец* датируются первой половиной века и встречаются

¹ «Там, где более сдержанный Жуковский принимал Байрона и байронизм с оговорками, Козлов вместе с большинством своих современников-романтиков полностью принял байроновский образ гордого одиночки, социального изгнанника и страдающего революционного героя. В действительности Козлов существенно повлиял на русское восприятие Байрона, пропагандируя образ, который превратился для русских как в подлинную, так и в поэтическую правду» (Лейтон Л.Г. Стихотворения Ивана Козлова «Венецианская ночь» и «Байрон»: (к истории русского байронизма) // Русская литература, 1997, N 2. с. 14)

в эпистолярном жанре: *Там родина моя, где польза или наслаждение, а здесь я никого не пользую и ничем не наслаждаюсь. Сделайте со мною один конец или выведите мою жизнь на свежую воду, или и концы в воду! Вот тебе и моего байронства.* (Вяземский П.А. – А.Тургеневу, 1819);

Неужели Сенковский попал в гении, в равно байроновцы и равно гетевцы (как говорит Фита)? Ей-ей, мы живем в век чудес. Не верите? (Бестужев А. - К. А. Полевому, 1834).

Именно данная сфера, передающая мысли и чувства людей, репрезентирующая личностно ориентированное общение, субъективность восприятия и оценочный характер высказываний, служит тем языковым плацдармом, где вводятся в обращение различные новообразования. Следовательно, можно предположить, что в парах *байронизм – байронство* и *байронист – байроновец* второй компонент является принадлежностью разговорного стиля, своеобразным переложением общепринятого понятия на более демократический лад.

Еще более яркое свидетельство оценочности лексемы представляет вариант с суффиксом –ЩИНА. Хронология зафиксированных словоупотреблений с указанным суффиксом (60-е годы XIX в.) прекрасно согласуется с изменением отношения к самому понятию «байронизм», полностью подтверждая вывод о формировании отрицательного коннотата у прежде нейтрального понятия, и демонстрирует попытку языковой системы вывести дополнительный социокультурный коннотат на словообразовательный уровень путем создания слова со стилистически маркированным суффиксом:

Не понимаю я .. скоро ли у нас кончится это вековечное гореванье, никому не нужная тоска, мрачный взгляд на жизнь, доморощенная байроновщина. (Помяловский Н.Г. Молотов, 1861);

А что до любви, неразлучной с ненавистью... – байроновщина, перебил Литвинов: – романтизм тридцатых годов. (Тургенев И.С. Дым, 1867).

Активное обогащение лексического состава языка на протяжении всего XIX века, как уже было сказано, осуществляется в том числе за счет словообразовательных процессов, т.е. появления новых производных слов.

Естественно, что вхождение в обиход нового имени, антропонима, как факта истории или культуры неизбежно вызывает к жизни целые словообразовательные цепочки производных от него. Прагматико-грамматическая логика говорит о том, что первым производным становится притяжательное прилагательное. Для первой половины XIX

века типичной словообразовательной моделью для притяжательного прилагательного является образование с суффиксом -ОВ¹:

И мне кажется, каждое сочинение Байрона такая драгоценность, что перевод каждого из них есть обогащение для словесности народа, приобретающего хороший перевод которого-нибудь из Байроновых сочинений (Козлов И.И. Московский телеграф, 1826);

Когда тебя, Мицкевич вдохновенный, Я застаю у Байроновых ног, Я думаю: поклонник униженный, Восстань, восстань и вспомни: сам ты бог! (Баратынский Е.А. Не подражай: своеобразен гений...1828);

Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену, возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону. (Пушкин А.С. – И.И.Дмитриеву, 1835);

Скучал он, не как байронов Корсар, а как потомок выходцев-татар. (Тургенев И.С. Андрей, 1845);

Облачась в байронов плащ он <Пушкин> поступил так же, как поступает юноша, не смеющий сшить панталон, в то время как вся молодежь ходит в узких. (Дружинин А.В. А.С.Пушкин и последнее издание его сочинений, 1855).

Грамматическое значение суффикса не вызывает сомнений в следующей формулировке значения прилагательного 'байронов' - имеющий отношение к Байрону.

Постепенно для выражения того же самого значения начинает употребляться (по-видимому, не ранее 40-х гг.) и со временем становится наиболее продуктивной иная модель: *Его не любили московские литераторы, как не разделявшие их Гегелевских мнений* (Плетнев П.А. – Я.К.Гроту, 1844), усложненная суффиксом -СК- **байроновский**:

Только предо мною не было холодного созданья, пламенного мечтателя поневоле, но прекрасное, возвышенное созданье, правильный очерк человека, который представили нам и Шекспир и Шиллер; но он уже готов был тогда пасть в мрачную манию характеров **байроновских**. (Достоевский Ф.М. - М.М.Достоевскому, 1840);

Прошли годы, байроновский дендизм всем надоел до крайности... (Дружинин А.В. А.С.Пушкин и последнее издание его сочинений, 1855);

¹ Ср. также: *Я читал моему преобразенному приятелю – несколько строк, тобою мне написанных в письме к Тургеневу, и поздравил его с счастливым испражнением пиров Гомеровых* (Пушкин А.С. – П.А.Вяземскому, 1820); *Книги, про которые я говорил, и в особенности Шиллеров Карл Моор, разгорячили мое воображение...* (Баратынский Е.А. – В.А.Жуковскому, 1823); *Я люблю героев Шекспировых...* (Баратынский Е.А. – А.С.Пушкину, 1825); *Быть может, некогда восплачет обо мне стих Гнедича (который теперь здесь) в переводе его Вольтерова «Танкреда»* (Пушкин А.С. – П.А.Вяземскому, 1828)

Конечно, отчасти предрассудки среды, в которой Лермонтов вырос и воспитывался, отчасти увлечения молодости и истекавшее отсюда его желание эффектно драпироваться в байроновский плащ, неприятно действовали на многих, действительно серьезных людей, и придавали иногда Лермонтову неприятный неестественный колорит. (Панаев И.И. Литературные воспоминания, 1862);

В одну из следующих лекций Петр Александрович, не называя меня по имени, разобрал, с обычным своим благодушием, это совершенно нелепое произведение, в котором с детской неумелостью выразилось рабское подражание байроновскому «Манфреду». (Тургенев И.С. Литературный вечер у П.А.Плетнева, 1868);

<Райский:> Я уверен, что в байроновском Дон-Жуане пропал художник. (Гончаров И.А. Обрыв, 1869);

Тут казенный припадок Байроновской тоски, гримаса из Гейне, что-нибудь из Печорина, — и пошла и пошла, засвистала машина... (Достоевский Ф.М. Бесы, 1871-72);

К сожалению, байроновская форма, как доспехи Саула, все еще подавляют и знетут движения сего молодого Давида; но, однако же, уже очевидно, что он готов сложить с себя эти доспехи. (Если Мицкевич в этом случае прав, то разве в отношении к «Цыганам». Алеко все еще доводится сродни байроновским героям; но в «Полтаве» Пушкин уже стоял твердою ногою на своей собственной почве (Вяземский П.А. Мицкевич о Пушкине, 1873);

Им, например, обоим нравился Дон Жуан, и они оба оправдывали байроновского героя, но совершенно с различных сторон.. (Лесков Н.С. Чертовы куклы, 1890);

Но едва ли его <И.Козлова> «Чернец», над страницами которого современники и особенно современницы обливались слезами, которому даже Пушкин внимал «в слезах восторга», может быть назван отражением байроновской поэзии. Здесь нет мрачного и грозного титанизма байроновских героев... (Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, т.30, с. 607, 1893);

Особенно обращает на себя внимание полный перевод «Дон-Жуана», сделанный замечательно близко к подлиннику и притом чисто байроновским стихом. (Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, т.30, с.608, 1893);

В то же лето (1830) внимание Лермонтова сосредоточилось на личности и поэзии Байрона; он впервые сравнивает себя с английским поэтом, сознает средство своего нравственного мира с байроновским,

посвящает несколько стихотворений польской революции. (Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, т.34, с.580, 1893);

В природе Ленау ищет покоя, буддийского сна, погружения в Нирвану («Лесные песни»); изредка встречается вспышка байроновского горделивого презрения к миру и жизни. (Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, т. 34, с.530, 1893).

Семантическая эволюция производных от имени Байрон, о которой уже говорилось в отношении слов байронизм и байронист, по-видимому, накладывает отпечаток и на употребление прилагательного байроновский: целесообразно, на наш взгляд, другое значение данного прилагательного связывать с понятием байронизма и считать его вариантом прилагательного байронический (см.ниже):

Так наконец пришла очередь разочарованию, родному детищу байроновского разочарования. (Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями, 1847);

Не было сомнения, что он, следуя тогдашней моде, напустил на себя известного рода байроновский жанр, с примесью других, еще худших капризов и чудачеств. И дорого же он заплатил за них. (Тургенев И. С. Гоголь, 1852);

Пусть знают, что ровно никакого-таки чувства «мести» нет в целях моей «идеи», ничего байроновского - ни проклятия, ни жалоб сиротства, ни слез незаконнорожденности, ничего, ничего. (Достоевский Ф.М. Подросток, 1875);

Но зажигать спичкой уже крайность и, так сказать, удел натур могучих, байроновских. К счастью, есть выходы не столь ужасные для натур не столь могучих. (Достоевский Ф.М. Дневник писателя, 1877);

Генриетта Анквич влюбилась в вдохновенного поэта, хотя ее неприятно поражала улыбка байроновского сарказма на его устах. (Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, т. 38, с.505, 1893);

Уже до того времени он <Витвицкий> написал несколько поэтических и прозаических сочинений, которые характеризуют его как крайнего романтика с байроновским оттенком, но не имеют никакого литературного значения. (Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, т.12, с.552, 1893);

В его <Бестужева-Марлинского> повестях из кавказской жизни заслуживают внимания интересные картины природы и нравов, но действующие среди этой обстановки татары и черкесы наделены чрезвычайно «неистовыми» байроновскими чувствами. (Энциклоп. слов. Брокгауза и Ефрона, т.6, с.662, 1893).

Параллельно с употреблением притяжательного прилагательного байронов в обиход вводится и относительное прилагательное байронический, образованное суффиксальным способом от существительного байронизм. Его значения и употребление четко соотносятся со значением производящего слова, поэтому словарные определения могут выглядеть следующим образом: 1. Относящийся к байронизму (в 1 знач.).

Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени <года>, напиши своего Монаха. Поэзия мрачная, богатырская, сильная, байроническая - твой истинный удел - умертви в себе ветхого человека - не убивай вдохновенного поэта. (Пушкин А.С. - А.А. Дельвигу, 1821);

Брось этих немцев и обратись к нам православным; да полно тебе писать быстрые повести с романтическими переходами - это хорошо для поэмы байронической. (Пушкин А.С. - А.А.Бестужеву, 1825);

Первое произведение, обратившее на г.Подолинского внимание публики <в 1827 г.>, была поэма «Див и Пери». Это было самое безопасное подражание Байрону; основа пьесы - борьба и зла - принадлежит байроническому направлению. (Добролюбов Н.А. Сочинения А.И.Подолинского, 1860);

Они <произведения Пушкина> не могли служить полемическим целям.. нужны были другие орудия, другие, более пронзительные силы - силы байронического лиризма, который уже являлся у нас однажды, но поверхностно и не серьезно, силы критики, юмора. (Тургенев И.С. Воспоминания о Белинском, 1868);

Главное лицо поэмы Алеко есть, несомненно, характер байронический, но он поставлен в условия действительности, изображаемой чертами реальными, вынесенными из непосредственных впечатлений нашего поэта, во время его поездки из Кишинева в Измаил, когда он сопровождал цыганский табор, скитавшийся по Буджакской степи. (Энциклоп.слов. Брокгауза и Ефрона, т.4, с.725, 1893);

Незадолго перед смертью Веневитинов, приветствуя сцену из «Бориса Годунова» — «Келья в Чудовом монастыре», — указывал на освобождение Пушкина от байронических влияний и в «независимости таланта» видел «поруку зрелости» и серьезности его. (Энциклоп.слов. Брокгауза и Ефрона, т.32, с.771, 1893).

2. Характерный для байронизма (во 2 знач.).

Много лет прошло с тех пор, я успел наслужиться, испытать голода, холода, сплина, несколько обманутых надежд; наконец отпросился в отпуск, в матушку-Москву, с самым байроническим расположением

духа и с твердым намерением не давать прохода ни одной женщине. (Одоевский В.Ф. Косморама, 1840);

Но байроническою миной Он никого не удивил... (Некрасов Н.А. Портреты, 1842);

Итак, я любил по всем правилам романтизма; любовь моя «не оставляла ничего желать», как говорят французы, - к довершению всего она была безнадежна и, следовательно, освещена тусклым байроническим колоритом. (Григорьев А.А. «Роберт-дьявол», 1846);

Лермонтов как будто щеголял ею <светской пустотой>, примешивая к ней иногда что-то сатанинское и байроническое: пронзительные взгляды, ядовитые шуточки и улыбочки, желание показать презрение к жизни. (Панаев И.И. Литературные воспоминания, 1862);

Шадурский принадлежал к их числу. Внутреннюю пустоту, полутатарские инстинкты и мелочное ничтожество свое он как-то удачно умел прикрасить байроническо-великосветскою внешностью. (Крестовский В.В. Петербургские трущобы, 1864-1867);

Большие черные глаза княжны Анны ему очень нравились; ее стройный бюст, ее цветущие щеки и губы обещали ему много соблазнительно-приятных ощущений - князь любил-таки льстить своим ощущениям; наконец, вся ее исключительная обстановка как нельзя более заманивала его начать отчасти «байронический» и отчасти «сельский» роман. Отчего же князю и не развлечься на время? (Крестовский В.В. Петербургские трущобы, 1864-1867);

В этом энтузиазме (байроническом, как называем мы его), перед идеалами красоты, созданными прошедшим и оставленными нам в вековечное наследство, мы изливаем часто всю тоску о настоящем.. (Достоевский Ф.М. Дневник писателя, 1876);

Люди моего поколения, с детства уже пропитанные духом современной музыки, знакомились с Моцартом, уже привыкли, например, к Шопену, в котором так сильно сказался и отразился байронический дух отчаяния и разочарования. (Чайковский П.И. - Н.Ф.Мекк, 1880);

И в этом вы испортили свою повесть влиянием господской отрицательной и байронической литературы. (Толстой Л.Н. - Ф.Ф.Тищенко, 1886);

Когда она качалась на кресле, то давала такое впечатление, как будто всего накушалась, и ее теперь мутит, и хочется кисленького - байроническая черта. (Чехов А.П. - Е.М.Шавровой, 1891).

Таким образом, основным отличием в употреблении прилагательных с мотивирующей основой байрон- от других

прилагательных подобного типа в русском языке XIX века является наличие опосредованной связи с соответствующим именем. Когда мы встречаем выражение бестужевские капли, характеризующее изобразительную манеру одного из представителей романтического направления в России, связь прилагательного с именем очевидна - бестужевский = относящийся к Бестужеву (Марлинскому), при характеристике же выражений в байроновском роде, с байроновским оттенком, байронический демонизм далеко не всегда следует определять значение прилагательного через имя.

Ограниченное количество обнаруженных на данном этапе работы словоупотреблений, к сожалению, не позволяет дать полностью законченный макет словарной статьи для наречия байронически, однако представляется целесообразным не использовать в определении значения имя собственное - в духе Байрона, полностью сосредоточившись на качественных характеристиках эпохи, направления, настроений, например, пессимистически, разочарованно, преувеличенно эмоционально и под.:

Некоторые услужливые руки из деревенской дворни нашли не лишним сообщить матушке барыне-княгине о грехе или - что то же - о «байронически-сельском» романе ее мужа. (Крестовский В.В. Петербургские трущобы, 1864-1867);

Кроме того, можно относиться к прошедшему и (так сказать) байронически. В муках жизни и творчества бывают минуты не то что отчаяния, но беспредельной тоски, какого-то безотчетного позыва, колебания, недоверия и вместе с тем умиления перед прошедшими, могущественно и величаво законченными судьбами исчезнувшего человечества. (Достоевский Ф.М. Дневник писателя, 1876).

Наибольшая степень вовлеченности имени Байрон в словообразовательные процессы в качестве мотивирующей основы проявилась в образовании производных от нее глаголов. Источники дают три модели - байронить, байроничать, байронствовать. Немногочисленность и хронологическая привязка таких форм, несомненно, указывает на периферийный по отношению ко всей системе в целом характер процесса. Тем не менее данные образования свидетельствуют о языковой тенденции заполнить все возможные ярусы, не оставив в системе лагун. Представленные контексты лишь в самом общем виде позволяют выделить два значения и определить их следующим образом: 1. Псдражать в своем творчестве Байрону:

Увлекаясь своей слишком талантливой звездой, Пушкин начал байронить ... бесталанно. (Надеждин Н.И. Литературные опасения за будущий год, 1828);

Разбайрониться добровольно и добросовестно. Сжечь Годунова и закончить Онегина. (Надеждин Н.И. Литературные опасения за будущий год, 1828);

Кстати: Борька также вывел Юродивого в своем романе. И он байроничает, описывает самого себя! - мой юродивый, впрочем, гораздо милее Борьки – увидишь. Вот тебе письма к двум еще юродивым. (Пушкин А.С. – П.А.Плетневу, 1825)

2. Предаваться меланхолии, унынию, разочаровываться:

Я бы, говорит, не прочь жениться, если б она умела привязать меня к себе. Теперь все кончено. Вы правду, говорит, советовали, Петр Иваныч. Я сохраню и деньги и время!» И теперь малый байронствует, ходит такой угрюмый и денег не просит. И я с ним скажу: все кончено! Твое дело сделано, Александр, и мастерски! (Гончаров И.А. Обыкновенная история, 1847).

Байронствующий Подколесин, он был бы для меня несносен. (Полонский Я.П. Свежее преданье, 1861-62).

В отношении первого значения можно предположить возможную оценочность лексемы, а именно иронию.

Таким образом, особые социокультурные обстоятельства, сложившиеся в российском обществе XIX века в отношении личности Байрона, привели к особенностям в образовании и употреблении слов соответствующего словообразовательного гнезда. Наблюдения над употреблением производных от имени Байрон позволяют сделать вывод об их быстром появлении в русском языке XIX века, динамизме выражаемых значений и сложении достаточно жестких системных отношений внутри данного словообразовательного гнезда.

Литература

1. Грот К. Я. Дневник И. И. Козлова // Старина и новизна, 1906. кн. 11.
2. Пушкин А.С. Полн.собр.соч. т.X. М., 1979.
3. Сахаров В.И. Байрон и русские романтики // Великий романтик. Байрон и мировая литература. М., 1991.

The cultural and historical conditionality of the semantico-derivation processes in the language of the 19th century (after the example of the derivatives from Byron)

The process of general Europeanization of the Russian culture in the 19th century was being actively continued and the epoch of Romanticism which had begun in the first quarter of the century, marked itself one of the most important stage in this process.

The name of the English romanticist Lord Byron firmly came into the paradigm of Russian culture. The active and unremitting interest of the Russian society to this key figure of the epoch promoted to the fact that immediately after the acquaintance with him of the reading public a stormy process of the formation of the derivatives from his name began in the Russian language: nouns, adjectives, verbs.

As far as the Epoch of Romanticism was being moving away the words formed from Byron's name developed new meanings.

In contrast to other novations connected with the proper names, the above mentioned derivatives are characterized by the quick appearance, the development of the primary meaning and the formation of the definite systematic relations inside the wordbuilding family in the Russian language of 19th century.